

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Ф. Кудрявцев

НЕУЗНАННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ КНИГИ СТЕФАНА МУНДА «ORBIS RUSSIARUM. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «РУССКОМ МИРЕ» НА ЗАПАДЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ».
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ДРОЗ С. А. ЖЕНЕВА, 2003. — 598 с.

(Stéphane Mund. «Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident a la Renaissance». Librairie Droz S. A. Genève, 2003. — 598 p.)

Должно было пройти около полутора веков после выхода в свет известной работы В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866), чтобы появилось новое обобщающее исследование на эту тему. Им стало рецензируемое сочинение бельгийского историка Стефана Мунда. За полтора века многое изменилось. В поле зрения ученых попал ряд западных источников по истории России XV–XVI в., не замеченных в свое время прославленным русским ученым, появились сотни их публикаций, а также исследований, сообщающих важные данные о политических, экономических, религиозных и культурных отношениях между Западом и Востоком Европы, стал вырабатываться критический взгляд на западноевропейские документы о России, который подвергает их процедуре строгой проверки и заставляет усомниться в их полной достоверности и надежности, наконец, в самостоятельное направление исторических исследований выгородилось изучение взаимодействия культур, социумов и цивилизаций, поставившее в повестку дня необходимость выявления характерных, исторически обусловленных черт восприятия чужого мира как способа его освоения и одновременно как средства самоидентификации по отношению к этому иному.

В книге С. Мунда учтены, хотя и не в одинаковой мере, все требования к исследованию сложившегося в Европе XV–XVI в. образа России, заданные современной историографической ситуацией. Основная заслуга бельгийского историка — в систематизации и критическом анализе всех известных к настоящему времени европейских нарративных источников ренессансной поры о Восточной Европе. По задачам и масштабу проделанных изысканий его труд не имеет себе равных в мировой исторической науке.

Все европейские нарративные источники о Восточной Европе изучаемого периода С. Мунд делит на три категории, каждой из которых он посвящает самостоятельный раздел. К первой категории он относит описания путешествий (*les récits de voyage*), включив в эту группу сочинения венецианского дипломата Амброджо Контарини, английских мореплавателей Ричарда Ченслера, Джорджа Киллигворта, Энтони Дженкинсона, Роберта Беста (?), Томаса Саутема, Эдварда Вебба, Джерома Боуса, Томаса Рандольфа и писавшего по их материалам Климента Адамса, императорских

послов Франческо да Колло и Ганса Кобенцля, иезуитов Иоанна Павла Кампанского, Антония Поссевина и еще одного безвестного члена этого ордена. Основное внимание уделяется тому, с какой целью и кем путешествия предпринимались, как готовились, по каким маршрутам, в какое время и в каком составе проходили, как долго длились, с какими препятствиями сталкивались, что ожидало иноземцев в Москве; отдельно рассматривается, кому эти описания предназначались и кем они редактировались, и в какой мере то и другое отразилось на их содержании; наконец, излагаются основные темы, которых касались описатели Московии, — ее природа, города и деревни, население, религия, характер власти ее государя.

Во вторую категорию включены работы по хорографии (т. е. описанию земель) со сведениями о Восточной Европе польских авторов Матвея Меховского, Мартина Кромера, Станислава Сарницкого, итальянского гуманиста Павла Йовия, католического прелата Иоанна Фабри, лютеранского пастора Пауля Одерборна, габсбургского посла Сигизмунда Герберштейна, выходца из Швеции Олауса Магнуса, иезуита Антония Поссевина, английского посла в Москве Джильса Флетчера и итальянца на польской военно-административной службе Алессандро Гваньини. В разделе, посвященном этим источникам, автор работы подробнее останавливается на истории создания каждого из них, уделяя внимание прежде всего целям, с которыми они писались, читательскому кругу, которому они адресовались, уровню осведомленности о делах Восточной Европы, способам подачи информации и ее критическому осмыслению, а также новым материалам, содержащимся в них и имеющим отношение главным образом к географии и этнографии описываемых регионов — Московии и «Рутении», именем коей автор монографии вслед за некоторыми из используемых им документов обозначает русские владения Короны Польской и Великого Княжества Литовского, т. е. земли Западной Руси.

В третью категорию собраны разного рода исторические хроники, посвященные Польско-литовскому государству (начиная с хроники Яна Длугоша), Германии, Ливонским войнам, правлению Ивана IV, всемирной истории, а также многочисленная политическая публицистика в виде памфлетов и панегирических поэм на латинском, немецком и польском языках. Особая часть работы выделена для того, чтобы изучить вопрос о распространении на Западе сведений о Восточной Европе. Выявляются наиболее часто публикуемые труды, из которых самыми популярными в XVI в. были «Записки о Московии» Герберштейна и сочинение «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» Павла Йовия, рассматриваются книгоиздательские центры, печатавшие сочинения с известиями о русских землях, а среди этих центров, безусловно, выделялись Венеция, Базель и Франкфурт, показана важнейшая роль прославленных базельских типографов Фробена и Опорина в публикациях самых значительных сочинений эпохи о России; самостоятельное внимание уделено переводам, резко расширявшим круг тех, кому могли стать доступными подобного рода труды; как показано, созданные в основном на латыни трактаты о Восточной Европе перелагались на новые национальные языки, преимущественно на итальянский и на немецкий, и значительно им уступали в числе переводы на французский и английский языки, что вполне объяснимо, поскольку основные связи политического, экономического, религиозного и культурного характера поддерживались между Россией, с одной стороны, и светскими и духовными властями Италии и Германии — с другой. Особое место уделено заимствованиям, т. е. использованию отрывков (того или иного объема) и сведений одного трактата в другом (или в других); чаще всего цитировались в литературе о Московской и Польско-литовской Руси XV—XVI в. сочинения Матвея Меховского («Трактат о двух Сарматиях», 1 изд.: 1517 г.), давшего первое систематическое описание земель на восточных границах Польши, Павла Йовия, блестящего латиниста и гуманиста, создавшего на страницах выпущенной в 1525 г. книжечки разносторонний и очень привлекательный образ Московии, и

Сигизмунда Герберштейна, с 1549 г. публиковавшего самый основательный, полный и, несомненно, авторитетный из трудов, сообщавших в эпоху Возрождения о Восточной Европе.

Фоном для представленного С. Мундом исследования послужили содержащиеся во введении краткие обзоры всего комплекса отношений между Московской Русью и Западом с середины XV и до конца XVI в. и сведений, которые накопились о Руси в Европе в средние века. Для облегчения знакомства с материалом своей работы С. Мунд в ее начале поместил пояснения, как транскрибируются им названия стран, народов, местностей и имена людей. В книге много графиков, схем, диаграмм, обобщающих или схематизирующих материал и облегчающих тем самым знакомство с ним. В приложении к работе даны хронология важнейших публикаций о Восточной Европе с 1487 г. (когда вышло в свет «Путешествие в Персию» Амброджо Контарини и, таким образом, впервые было напечатано известие о Московской Руси) по 1600 г., карты Московского государства, польско-литовских владений на Руси, основные маршруты, по которым продвигались европейские путешественники, генеалогические таблицы московских и литовско-польских государей, географический словарь, а также списки использованных источников и исторической литературы, именной, географический и предметный указатели.

В самом начале своего труда, во Введении к нему, С. Мунд ставит вопрос, ответом на который должно явиться все его исследование: в восприятии людей Запада был ли «русский мир» частью Европы или, по их убеждению, в большей степени он испытал на себе влияние Азии (С. 17)? В Заключении, подводя итоги, историк вынужден констатировать, что русские в качестве наследников Византии и строгих ревнителей православной веры были обречены на то, чтобы быть отвергнутыми Западом; человек латинской культуры, воспитанный в традициях гуманистической образованности, попадая на Русь, не мог не поражиться отсутствием учебных заведений, незнанием древних языков, невоспитанностью и пренебрежением к гражданским установлениям, могуществом дикой природы, покорение которой доставалось огромными усилиями. И не случайно русские, или московиты, чаще всего выставлялись европейскими авторами в мало привлекательном виде (*sous un ange peu favorable*) пьяниц, невежд, варваров, плутов, людей низких, подлых, приверженных суевериям, с царем-тираном и церковью богатой и непросвещенной (Р. 464–465). Разумеется, в некоторых случаях отмечались и «положительные», с точки зрения человека XVI в., черты московитов, например, их глубокое благочестие. Но, как показывает С. Мунд, писатели, которые черпали из первоисточников, т. е. сочинений тех людей, которые сами навещали в русские пределы или были хорошо осведомлены о тамошней жизни, предпочитали умалчивать обо всем, что могло подать ее с выгодной стороны, ибо и сами эти заимствовавшие информацию из вторых рук авторы, и их аудитория (*les “auteurs-copieurs” et leur public*) имели установку обращать внимание только на все необычное, экзотическое, что а priori полагалось ожидать от народа, почитаемого варварским (Р. 454). Речь идет о чем-то большем, чем «идеологический заказ», о коренном различии во всей системе основополагающих духовных ценностей и принципов гражданского устройства, делающим невозможным адекватное восприятие одной цивилизации другой, т. е. России Западом. И вполне справедливо бельгийский исследователь постоянно обращает внимание на то, что явления русской жизни европейскими ее описателями подавались преломленными через «западную оптику» (*l'optique occidentale*) (Р. 455).

Конечно, это утверждение не следует понимать в том смысле, что вся западная информация о Восточной Европе была от начала и до конца ложной. Дать точные сведения по поводу описываемого предмета для многих повествователей о России было делом чести. Не случайно они проверяли и перепроверяли чужие данные, стремились все, что можно, увидеть своими глазами или, по крайней мере, опереться на надежных свидетелей, именами и титулами коих пытаются удостоверить сообщаемое. И С. Мунд имеет все основания утверждать, что образ России, скажем,

в описаниях путешествий в основных чертах соответствует действительности (*est en effet globalement correcte*) (Р. 164; см. также: Р. 463), т. е. в эту эпоху Московия бóльшей частью, как доносили европейские авторы, была на самом деле покрыта лесами и непроходимыми болотами, мало населена, изобиловала дикими зверями и располагала превеликими природными ресурсами; путешественники справедливо указывали также на холодный климат страны, деревянные постройки в ее городах, расположенные на удалении друг от друга, на огромную роль религии и церкви в жизни народа, на широкое распространение монашества, на всевластие московитских государей и помпезный церемониал их двора, на бедность населения, его благочестие, полную зависимость от власти и приверженность к пьянству. И все же сколь бы ни соответствовал этот образ тому, что можно назвать «российской действительностью» XV–XVI в., он, как справедливо подчеркивает историк, «основывается на поверхностном знакомстве с Московией и ее обитателями, объяснимом многими причинами: трудностью языкового общения, подозрительностью московитов и обычаями их гостеприимства, а равно и предрассудками (*préjugés*) наших путешественников, их несомненным чувством превосходства по отношению к стране, которая их принимает, и их непониманием того, что они оценивают как чужое». В итоге образ этот основывается на неполном, частичном видении предмета (*une vision partielle des choses*) (Р. 164). Например, все авторы пишут о безграничной власти повелителя Московии, но при этом упускают из вида, что в руководстве страной он держал совет с приближенными к нему людьми, объединенными в Боярскую думу, что имела определенная управленческая структура в виде приказов, что с 1549 г. созывались собрания сословий — Земские соборы, аналогичные Генеральным Штатам во Франции; они справедливо говорят, что вся Московия считалась собственностью царя, но умалчивают при этом о наследственных владениях бояр, вотчинах (Р. 164–165).

Не свободен образ России, создаваемый в Европе эпохи Возрождения, и от явных неточностей. Сообщая, что русские ведут службы в церкви на родном языке, европейские авторы ошибаются, путая церковно-славянский язык с русским; Да Колло и Турбервиль вводят читателя в заблуждение, утверждая, что на Руси нет другого закона, кроме воли государя, хотя в 1497 г. был принят «Судебник», замененный в 1550 г. другим, новым сводом законов (Р. 165–166). Не только эти явные ошибки вели к деформации образа, но и невольные искажения, вызванные стремлением повествователей сделать понятнее читателю чужой «русский мир», сближая его с реалиями европейской жизни, прибегая к известному, чтобы объяснить неизвестное. Так, Ченслер и Адамс для того, чтобы дать наглядное представление о размерах Москвы, приравнивают ее к Лондону с пригородами; Контарини и Адамс уподобляют московского митрополита папе, а Кобенцль говорит о сходстве царского венца с папской тиарой; Контарини и Да Колло упоминают о «баронах», «знати», «благородных людях», имея в виду бояр (Р. 166–167); та же самая апелляция к западным представлениям имеет место и при описании разными авторами русского монашества (Р. 137). В результате получается картина понятная западному читателю, но искаженно, иногда просто превратно передающая русскую действительность.

Кроме того, что видение европейцев России должно было быть неизбежно неполным, частичным, оно также было пристрастным и в целом негативным (*non seulement partielle, mais aussi partiale et globalement negative*); и это подтверждает изображение нравов и черт народного характера, преподносимых так, чтобы подчеркнуть все их недостатки (Р. 166). Речь уже идет о несомненной предвзятости, которую обязательно надо учитывать, изучая западные известия о России XV–XVI в. С. Мунд совершенно прав, доказывая, что цель Герберштейнова трактата о России, самого обстоятельного из сочинений XVI в., ей посвященных, в частности, в том, чтобы опровергнуть ее идеализированный образ, созданный Иоанном Фабри и Павлом Йовием (Р. 211, 462). И подобное отношение к России следует объяснять уже не только невозможностью понять

и принять культуру и устои другой, чуждой европейскому сознанию цивилизации, но и вполне определенной позицией габсбургского дипломата в международных делах: ведь делая ставку на союз с Польско-литовским государством, Герберштейн должен был с неизбежностью показать с невыгодной стороны страну, враждебную этому государству. Во второй половине XV в., во время Ливонской войны, появилась даже своего рода цензура, стремившаяся не допустить к печати то, что могло послужить составлению выгодного мнения о москвитях. С. Мунд в связи указывает на опубликованные в Польше и Германии сборники сочинений о Восточной Европе и России Яна Лазицкого и Иоганна Марниуса-Аубриуса, в которых подвергся значительному сокращению трактат Фабри, для того чтобы его материал не противоречил негативному образу Московии, который получил тогда широкое распространение (Р. 375). Была, правда, цензура другой направленности, не допускавшая публикацию слишком резких отзывов о Московии, ей подверглись, в частности, сочинения Турбервиля и Флетчера в сборнике Хеклюйта, учитывавшего позицию английских властей, которые были заинтересованы в сохранении выгодных торговых связей с российским государством (Р. 375–377).

Особого внимания заслуживает то наблюдение бельгийского историка, что наибольший вклад в создание отталкивающего образа России-Московии, в выработку стойких, стереотипических предрассудков в отношении ее внесли памфлеты периода Ливонской войны, небольшие, простым стилем написанные сочинения на национальных языках, преимущественно немецком и польском, предшественники современной периодической печати. Образцом для них служили антитурецкие памфлеты, в большом количестве издававшиеся на протяжении XVI в.; не случайно печатались и те и другие, как подчеркивает С. Мунд, в одних типографиях; и не случайно к русским применялись уничижительные характеристики, относимые к туркам, вроде «кровавые псы», «вековечные жестокие враги» и т. п., и изображались русские на гравюрах в турецком убранстве (Р. 350–351). К памфлетам примыкали панегирические поэмы, еще один тип антирусской публицистики, правда, в основном на латинском языке, сообщающие мало новой информации, но ввиду их доступности широкому кругу читателей игравшие свою роль в распространении и закреплении в сознании человека западной культуры стойких убеждений в том, что московиты — варвары, а государь их — тиран (Р. 354).

Все подобного рода наблюдения, сделанные в книге С. Мунда, — а их перечень можно было бы продолжить — показывают необходимость тщательного, критического исследования и осмысления комплекса западных источников ренессансной поры о России, их важность прежде всего для изучения проблемы взаимодействия различных культур и социумов в тот момент, когда перед осваивающим новые географические пространства Западом выросли мощные контуры почти неведомой ему доселе русской цивилизации.

Отметив несомненные достоинства рецензируемой монографии, уместно вслед за этим остановиться на имеющихся в ней упущениях и спорных положениях (ибо серьезная работа требует к себе серьезного отношения). Заметна некоторая непоследовательность в подборе источников. С. Мунд стремится исследовать все, что могло быть известно о Восточной Европе образованным европейцам эпохи Возрождения или что было опубликовано о ней к 1600 г. В силу этого без внимания остались такие интересные документы, как «Путешествия и посольства» бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа (первая половина XV в.), записка канцелярии миланского герцога, составленная по материалам беседы с российским послом (1486 г.), «Путешествие в Россию» датского дипломата Якоба Ульфельдта, написанное в конце 80-х гг. XVI в. и опубликованное в 1608 г., сочинение Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитов», созданное в 1550 г. и изданное в 1615 г., и ряд других. Непонятно также, почему в рецензируемой работе активно привлекается трактат Франческо да Колло, написанный вскоре после его путешествия

в Московию в 1518–1519 г., переведенный с латинского на итальянский язык в середине XVI в., но изданный, как и трактаты Ульфелдта и Литвина, уже в начале XVII в. — в 1603 г. И в целом надо заметить, что использование всех оставшихся в XV–XVI в. в рукописях работ европейцев о Московии было бы оправданно и уместно, учитывая, что они имели свой, пусть и весьма ограниченный, круг распространения и содержали, как правило, небезынтересную информацию.

Следует указать на допущенную неточность в интерпретации знаменитой и очень популярной в политической идеологии Московской Руси концепции «Третьего Рима» (Р. 153. Сн. 314). Присваивая Москве имя «Третьего Рима» и последнего, автор этой концепции подразумевал, как показывают специальные исследования¹, что первый Рим пал не под ударами варваров в V в., а в результате отказа папства от православия в конце VIII в., а второй — не вследствие захвата турками Константинополя, а из-за заключения византийскими церковными иерархами Флорентийской унии с католиками и подчинения папству.

Некоторое противоречие заключается между утверждением автора о том, что принадлежность как москвитов, так и рутенов (т. е. обитателей польско-литовской Руси) к славянскому миру никогда не ставилась под сомнение (Р. 315–316), и сделанным им позже наблюдением о том, что рутены идентифицировались рядом авторов XVI в. с сарматским племенем роксоланов, а москвиты — с модоками, азиатскими родственниками сарматов, а также с мосхами, обитавшими в Колхиде, и даже с амаксобиями, скифским племенем (Р. 322–323). И это наблюдение нужно признать более верным².

В работе есть ряд мелких неточностей, на которые тоже следует обратить внимание. На с. 27 Новгород назван «княжеством» (*principauté de Novgorod*), хотя вплоть до своего присоединения к Москве он сохранял строй, точнее характеризуемый как республиканский. В 1593 г. царем на Руси был Федор Иоаннович, а не Борис Годунов (Там же), избранный на престол в 1598 г. Известную Острожскую академию не следует характеризовать как «высшее учебное заведение» (*école supérieure*) (Р. 39), о программе и характере обучения в ней мало что известно, но она была ближе к «школам искусств» (*atium*). Трактат итальянского гуманиста Бальдассаре Кастильоне «О придворном» никоим образом нельзя относить к пособиям, наставляющим добрым манерам (*manuels de bonnes manières*) (Р. 162), ибо, помимо проблем практической педагогики, он посвящен широкому кругу этических, политических и эстетических вопросов, делающих его одним из наиболее значимых теоретических трудов итальянской гуманистической мысли XVI в.

Все высказанные выше замечания не могут повлиять на общую оценку труда С. Мунда как самого обстоятельного и фундаментального из исследований последних полутора веков, посвященных известиям европейцев по ранней истории Московской Руси. Исследование С. Мунда в высшей степени добросовестно, историк положил великие силы на то, чтобы выявить, охватить и проанализировать широчайший круг источников; в итоге ему удалось показать, что сведения о русской действительности, в них содержащиеся, — совсем не беспристрастные свидетельства, как они до сих пор преимущественно трактовались в историографии, ибо заключают в образе чужой для их авторов русской страны черты мирозерцания и идеологические установки той цивилизации и той культуры, в лоне которых они появились. Несомненно, в дальнейшем никакое серьезное изыскание в области русско-европейских связей ренессансной поры не сможет обойтись без обращения к работе С. Мунда.

¹ *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901; *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. См. также публикацию документов и комментарии к ней: *Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли.* Roma, 1993.

² См. специально посвященную этой теме работу: *Кудрявцев О. Ф.* Идентификация русских европейскими авторами конца XV — первой половины XVI в. // *Восток-Россия-Запад. К 70-летию академика В. С. Мясникова.* М., 2001. С. 65–72.